

Елена Арсеньева

Великая ревность великой женщины (Екатерина II – Александр Дмитриев-...

*Часть сборника
Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*

Преступления страсти. Ревность

Елена Арсеньева

**Великая ревность великой
женщины (Екатерина II –
Александр Дмитриев-Мамонов
– Дарья Щербатова. Россия)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Великая ревность великой женщины (Екатерина II – Александр Дмитриев-Мамонов – Дарья Щербатова. Россия)
/ Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Преступления страсти. Ревность)

ISBN 978-5-699-26496-4

«...Старая дура! – подумала невеста и улыбнулась в ответ. – Господи, а мы-то думали... а мы-то тряслись... Было б с чего! Право, Сашенька порядочный простак, коли так робел! Да и я хороша. Думала, она от ревности с ума сходит... Все, все сточены зубы, не укусит, все стерпит, коли это стерпела!..»

ISBN 978-5-699-26496-4

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Елена Арсеньева

Великая ревность великой женщины (Екатерина II – Александр Дмитриев- Мамонов – Дарья Щербатова. Россия)

*Жесток гнев, неукротима ярость, но кто устоит против
ревности?*

Соломон Мудрый

– А вот сюда еще цветов бы, – сказала императрица и улыбнулась. Добрее и слаще этой улыбки трудно было что-либо представить!

«Старая дура! – подумала невеста и улыбнулась в ответ. – Господи, а мы-то думали... а мы-то тряслись... Было б с чего! Право, Сашенька порядочный простак, коли так робел! Да и я хороша. Думала, она от ревности с ума сходит... Все, все сточены зубы, не укусит, все стерпит, коли это стерпела!»

– Конечно, ваше величество, вы правы, сюда цветов непременно надобно, – проворковала она, с нежностью глядя на императрицу. – Только больше гирлянд нету...

– Ну так примите мою, – сказала та, откалывая от ворота платья шелковую белую гирлянду, усыпанную бриллиантами, среди которых мелькали нежные сапфировые глазки. – Пусть она останется у вас на память обо мне.

– Ах, Господи! – Невеста едва не взвизгнула от восхищения. – Ваше величество чрезмерно добры! Столько подарков от вашего величества... и еще это...

– Позвольте, я сама приколю, – сказала императрица, и на ее губах появилась поистине материнская любовь. – Шпильку мне дай, – повернулась она к подружке невесты, фрейлине Марии Шкуриной. – Да не эту, что ж это за шпилька! Вот, вот, золотую!

Невеста наклонила голову, подставила волосы, тщательно уложенные причудливыми раковинками: куафера называлась *maîna* и была криком моды.

– Осмелюсь сказать, длинновата шпилька будет, ваше величество, – пробормотала фрейлина Шкурина.

Императрица бросила на нее быстрый взгляд:

– Ничего, ничего, мы ее покрепче... покрепче вколем!

И сильным движением вогнала шпильку в прическу.

– А-а! – заорала невеста. Почудилось, шпилька чуть не до середины вонзилась в голову.

Резко дернулась, пытаясь вырваться, но императрица не пустила.

– Больно? – спросила, но в голосе ее не было и намека на сочувствие. – Ну так терпи... Терпи, как я терпела! – И выпустила невесту. – Чего ж так кричишь-то? Напугала до смерти! Да хватит возиться, и так хороша, куда больше-то! Пора в церковь, небось *счастливый жених* ждет не дождется своей лебедушки.

И вышла из комнаты, даже не взглянув на ту, которую только что обряжала так заботливо, можно сказать, по-матерински.

– Маша, – чуть слышно шепнула невеста, хватая подругу за руку, – мне страшно! Она нам не простит, никогда не простит!

– Перес-с-стань! – прошипела фрейлина Шкурина. – Потерпи еще чуть-чуть. Обвенчае-тесь – и с нынешнего дня ждет вас только счастье!

Фрейлина ошиблась. Молодые никогда, ни-ког-да не будут счастливы!

* * *

Закатилось солнце – любимый Сашенька Ланской умер! Одолели Геркулеса кантариды – шпанские мушки, которые он принимал в неумеренном количестве, только чтобы произвести впечатление на свою неумную возлюбленную.¹

Екатерина чувствовала свою вину («Загнала, загнала в гроб мальчонку, старая сластолюбивка!») и поначалу света белого не видела. Казалось, что и самой только и осталось, что лечь в могилу. Но в том-то и дело, что она никогда старой себя не чувствовала, слово это ненавидела, а если и повторяла его порою по отношению к себе, то лишь для того, чтобы лишний раз убедить и себя, и окружающих: душа женская постареть не может. Внешние изменения? Ну так и что, даже самые лучшие розы вянут, но все же сохраняют свой аромат. Вон, горкой насыпаны в вазе сухие лепестки, а наполняют они воздух тончайшим благоуханием – не так ли и дама в летах распространяет вокруг себя тонкое очарование?

Ну, Екатерина была великая мастерица придумывать такие изысканные метафоры для оправдания причуд своих – не токмо сердечных, но и телесных. Ну что, ну что, скажите, люди добрые, делать женщине, если в ней не умирает способность влюбляться и возгораться желанием?! Неужели плоть изнурять постом, молитвой да веригами?! Или, может быть, лучше потакать себе во всем, елико имеются для того возможности...

Она возможности имела, вот и потакала. А способствовали этому все ближние и дальние, те, кто знал: великая государыня была и великой женщиной, которой, чтобы успешно управлять державою, необходимо ощущать себя желанной и любимой. Ну и быть влюбленной самой. Самое главное – именно это! Хоть она и писала – весьма снисходительно и иронично – своему дорогому другу и корреспонденту Мельхиору Гримму: «Я всегда говорила, что этот магнетизм, не излечивающий никого, также никого и не убивает», – однако это были не более чем слова великой актрисы, непременно желающей сохранить хорошую мину при плохой игре и завуалировать ту острейшую нужду в любви, которую она испытывала.

Любви со своей стороны и безусловной преданности со стороны мужчины.

Екатерина ненавидела ревность, хотя сама была ее вспышкам весьма подвержена. Ну что ж, это вполне естественно для женщины, которая постепенно осознает, что становится все старше и старше... не только по годам, но старше всего своего женского окружения. О да, конечно, звездам не затмить солнца, но ведь у каждого светила свое время, и одному Богу ведомо, что происходит по ночам, когда солнце заходит в свои покои, чтобы отдохнуть от трудов праведных... Однако, увы, Бог всегда на стороне молодых женщин, прежде всего потому, что он все-таки мужчина.

Григорий Орлов в свое время довольно помотал нервы императрицы своими мужскими чудачествами. Последним, кто заставил ее ощутить свою женскую ущербность, был «царь Эпирский», Иван Римский-Корсаков, которого Екатерина застигла на канаве в недвусмысленной позе с ближайшей своей подругой, графиней Прасковьей Брюс. Прогнав от себя обоих, Екатерина поняла, что больше страдать от разбитого ревностью сердца не желает. И какое-то время ей везло, потому что сменивший Римского-Корсакова Александр Ланской не только никаких поводов для ревности не подавал, но и сам был нешуточно влюблен в свою высокопоставленную подругу – до того, что в могилу себя загнал от избыточного любовного усердия.

И теперь ближайшее окружение императрицы, а прежде всего – светлейший князь Григорий Алексеевич Потемкин, засуетилось, подыскивая подходящий персонаж, которому предстояло взять на себя амплу героя-любовника. Он должен быть щедро одарен природой во всех

¹ Об этой истории можно прочитать в новелле Елены Арсеньевой «Геркулес и кантариды» в книге «Любовь у подножия трона» (издательство «Эксмо»).

смыслах, прежде всего – в мужском, понятное дело, затем – исключительно красив (кажется, не создавала природа бульшей ценительницы молодой, сильной красоты, чем Екатерина!), ну и, желательно, не полный дурак. Деваться некуда от правды: Екатерина не просто удовлетворяла потребности своего неумного женского естества – она пыталась возвысить до себя всякого мужчину, который оказывался рядом с ней на ложе. На тему сию много судачили – во всех слоях общества и во все времена. Частенько эти пересуды оказывались зафиксированными для последующих поколений. Например, в «Секретных записках о России» некоего Шарля Масона читаем: «Все же Екатерина при всем высказанном ею гении, при всем том, что она старалась соблюдать хотя бы внешнюю благопристойность, должна была хорошо знать и сильно презирать русских, чтобы осмелиться так часто возвышать до себя молодых людей, выхваченных из толпы, и предоставлять им уважение и славословие целой нации, не наделяя их никакими званиями, кроме тех, от которых ей следовало бы краснеть. Как могла она вообразить, что способность ей нравиться означает вместе с тем умение управлять? Ее любовнику довольно было провести с ней ночь, чтобы на следующий день воссесть подле нее на троне».

О, мужчины... О, добавим, эти иностранные мужчины! В описываемое время (1784–1786 годы) Масон преподавал что-то (неизвестно, что именно, может быть, хорошие манеры) в Петербургском артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе, где директорствовал мсье Мелиссино (тоже, само собой, иностранец), питался сплетнями, помаленьку шпионил и брал на себя смелость осуждать женщину, *принадлежать* которой в то время (у каждого времени свои нравы!) считалось в России почестью. На сей счет известно не то наивное, не то циничное выражение самой Екатерины: «Я делаю и государству немалую пользу, воспитывая молодых людей». Не нам судить иные времена: скажем, достопочтеннейшие, умнейшие и честнейшие граждане Рима открыто предавались содомскому греху и азартно опускали вниз большой палец на трибунах Колизея, что означало убийство невинных людей... Примеров исторических несуразностей можно привести множество, и, если на то пошло, Клеопатру за похотливость никто не осуждает, наоборот, все лишь восхищаются ею. Впрочем, она ведь правила Египтом, а не Россией, не то и ей не поздоровилось бы. Шарлю Масону забраться в постель Екатерины было так же нереально, как укусить собственный локоть, а для таких, как Масон, виноград, если он зелен, значит, и плох. Вот и архитектор Чарльз Камерон писал о «любвном энтузиазме» уже престарелой царицы: «Было бы желательно, если бы императрица брала любовников для удовлетворения. Но это редкостное явление у дам преклонного возраста, и если у них еще воображение не угасло, то они совершают сумасшествие в сто раз хуже, чем мы, молодые...»

А впрочем, Господь с ними, с Масоном и Камероном. Вернемся к Екатерине и к тому «святу месту» в ее постели и за зеркалом возле него, которое ни в коем случае не должно было быть пусто.

Придворная партия или персона, ставленником которой являлся будущий герой-любовник, одним махом добивалась очень серьезных благ и для себя. Неудивительно, что «конкурс» красоты проходил весьма оживленно и при тесном соперничестве «спонсоров». В конце концов в полуфинал вышли двое: блестящий офицер Александр Петрович Ермолов (не более чем однофамилец и полный тезка героя войны 1812 года), адъютант Григория Потемкина и, значит, его ставленник, и Павел Михайлович Дашков, сын Екатерины Романовны Дашковой, известной своим участием в перевороте 1762 года, и... также протеже Потемкина! Как выразились бы любители скачек, Потемкин поставил разом на двух фаворитов.

Однако до финиша дошел только Ермолов, хотя сначала Павел Михайлович Екатерине вроде бы даже понравился, даром что был сыном надоеды Дашковой, которая свою роль в комплоте 1762 года чрезмерно (с точки зрения императрицы) преувеличивала. Кто знает, может быть, фамилия Дашковых возвеличилась бы вновь, и вновь скандально, когда бы в дело не вмешалась не то любовь, не то глупость – история на сей счет воздерживается от комментариев, –

Павел скоропалительно женился на дочке какого-то купца Алферьева. Екатерина Романовна очень переживала по поводу женитьбы сына и не желала видеть сноху до конца дней своих. А императрица обошла случившееся молчанием: к Павлу Дашкову она привязаться не успела, и женитьба его даже подобия ревности или обиды у нее не вызвала.

Вообще надо сказать, что за попытками подыскать для себя подходящего постельного героя императрица наблюдала как бы со стороны, иронически, но весьма снисходительно: «На душе у меня опять спокойно и ясно, потому что с помощью друзей мы сделали усилие над собой, – отписывает она Гримму, с которым привыкла делиться мельчайшими переживаниями. Вообще эта переписка была, выражаясь языком позднейших времен, типичнейшим психоанализом, столь необходимым женщине, которая, живя в атмосфере общего притворства (а разве возможна придворная жизнь без лжи?), испытывала острую нужду в откровенности и искренности. – Мы дебютировали комедию, которую все нашли прелестной, и это показывает возвращение веселости и душевной бодрости. Я не могу пожаловаться на отсутствие вокруг себя людей, преданность и заботы которых не способны были бы развлечь меня и придать мне новые силы; но потребовалось немало времени, чтобы привыкнуть ко всему этому и втянуться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.